

Помозова Наталья Борисовна
аспирант кафедры социологии МГИМО МИД РФ
promozova@mail.ru

Государственная стратегия идентичности Китая

Аннотация:

В период масштабных перемен в стране усиливается динамика идентификаций индивидов. Основным вектором, задающим русло этой динамике, является государственная стратегия идентичности. Некогда имевшие много общего в политическом, экономическом, социальном устройстве Россия и Китай по-разному встретили необходимость преобразований. Если Россия встала на революционный путь реформирования своих институтов, то Китай избрал эволюционный путь, отражением которого и явилась государственная стратегия идентичности. В статье анализируются некоторые последствия данной стратегии в социальном аспекте.

Ключевые слова: Китай, стратегия идентичности, трансформационный период, идентификации.

Время реформ – это всегда непростой, переходный этап, когда вместе с политической и экономической системой изменяется и сознание людей. В период глобальных перемен в стране особенно важно определить состояние и проследить динамику не только социальных, но и политико-этнических, национальных идентификаций граждан этой страны с тем, чтобы понять, члены каких общественных групп смогли адаптироваться к трансформациям, а кто так и не смог приспособиться к измененной действительности. Естественно, что члены социума, испытывающие внутреннюю дисгармонию на фоне свершившихся перемен, недовольные качеством реформ, не только не способны к полноценной жизни в обществе, но и могут иметь склонность к девиантному поведению.

Динамика идентификаций индивидов усиливается во время масштабных изменений в стране. При этом главным фактором, влияющим на эту динамику, как бы задающим ее русло, является, как правило, государственная стратегия, разрабатываемая правящей элитой и направленная на формирование идентификаций, соответствующих текущему политическому курсу.

В период крупных перемен, а также в процессе разработки государственной стратегии, необходимо учитывать не только особенности функционирования экономической и политической систем, но и объективные социальные законы, культурную и ментальную специфику народа в период трансформаций. От степени соблюдения этих факторов во многом зависит успешность реформ, ведь даже самые удачные замыслы политических и экономических изменений не будут успешно претворены в жизнь, если пострадает самоидентификация индивидов, что грозит недовольством и возможным девиантным поведением общественных групп.

Общество, подобно живому организму, является постоянно изменяющейся под давлением как внешних, так и внутренних обстоятельств системой. Ценностные ориентиры людей, их мировоззрение, желания, стремления со временем трансформируются. Однако под воздействием внешних факторов, таких как реформы, насаждаемые «сверху» порой слишком резко, без подготовки необходимого плацдарма, изменения сознания некоторых людей, происходят очень быстро, а иным членам общества так и не удается приспособиться к кардинальным изменениям вокруг них, и людям приходится жить в дисгармонии с окружающим миром, что неизбежно влечет за собой негативные последствия как для конкретных индивидов, так и для

социума в целом. Именно поэтому стратегия идентификаций должна быть ориентирована на гармонизацию интересов государства и общества, его ценностных ориентиров и меняющихся реалий.

Россия и Китай – страны с социалистическим прошлым, что обуславливает во многом похожие ценностные и идеологические установки в этих двух государствах в определенный исторический период (имеется в виду «коммунистическое» прошлое обеих стран). Однако, когда стало очевидно, что коммунистические методы, использовавшиеся в обеих странах, исчерпали себя как в экономической, так в политической и социальной областях, Россия и Китай, став на путь реформ, пошли совершенно разными дорогами. В России в качестве метода экономической трансформации была выбрана прямая приватизация государственной собственности. В Китае, прежде всего, развивалось не государственное, а частное производство, которому были созданы благоприятные условия для успешной конкуренции на рынке [4, с. 131]. Изменения в экономической системе, подготовка к переходу от плановой экономики к рыночной требовали определенных политических преобразований, отказа от прежней идеологии строительства коммунизма. Россия встала на ускоренный путь резкого перехода от одного строя к другому, от тоталитарного режима к так называемому демократическому управлению. Китай старался сохранить правительственные организации на существующей основе, изменив при этом функции правительства и характер государственного регулирования, обозначив главную внутривнутриполитическую цель как «поддержание политической стабильности и предотвращение сепаратистских устремлений» [4, с. 171].

Другими словами, в России произошла системная революция, что подтверждается последующими историческими событиями. Ведь кардинальный разрыв с прошлым, его тотальное отрицание характерно именно для революционных эпох. Что же касается Китая, то, оказавшись перед необходимостью трансформаций, страна встала на путь эволюционного развития, характеризующегося плавным переходом от одних экономических и социальных реалий к другим.

КНР – самое многонаселенное государство в мире, поэтому общественные недовольства здесь вполне могут принять катастрофический оборот. Идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР, спонтанная государственная стратегия, состояние неразберихи и общественных волнений – все это могло бы коснуться и Китая, если бы властями вовремя не была осознана необходимость создания четкой государственной стратегии, учитывающей культурные и ментальные особенности народа и не «ломающей» сформированное в течение длительного периода времени сознание китайцев.

После смерти Мао Цзэдуна, краха социализма в СССР и Восточной Европе в Китае стала очевидной необходимость коренных преобразований внутри страны, смены политических ориентиров и определения критерия успеха. В связи с этим начался «интенсивный поиск форм сочетания и пропорций теории и практики, политики и экономики, идеологии и науки, мировых реалий и китайской специфики, постепенно занимавший ведущее место в формулировании новой концепции развития» [2, с. 205].

Итак, в сложившейся ситуации было решено пойти по пути сохранения политического курса, ориентированного на социалистическо-маоистскую идеологию, осуществляя при этом объективно необходимое реформирование экономической системы с целью плавного перехода к рыночной экономике (на данный момент во многих областях КНР сохранилась плановая модель экономики, однако в задачи правительства Китая входит полная трансформация государственной экономической системы) [2, с. 208].

Таким образом, государственная стратегия Китая заключалась в том, чтобы сохранить лидирующие позиции Коммунистической партии, официально следовать прежней социалистической идеологии, не развенчивая культ вождя, для того, чтобы воспрепятствовать образованию идеологического вакуума в стране, с одной стороны, и не «ломать» сознание выросшего при Мао Цзэдуна поколения – с другой. Придерживаясь такой стратегии, Китай встал на путь экономических реформ, которых

требовала сложившаяся ситуация. В результате таких действий сегодня можно наблюдать феномен сочетания социалистического и капиталистического начал в общественном сознании современного Китая. Если в России было решено, что эти два понятия являются взаимоисключающими и невозможно построить рыночную экономику, поддерживая прежнюю идеологию, то КНР доказала обратное, назвав свой строй «социализмом с китайской спецификой».

Китайский социолог Ли Лин отмечает, что государственная стратегия в 80-е гг. характеризовалась критическим восприятием западной культуры, попыткой применения западных моделей к китайской действительности, в общественных настроениях имелась тенденция к «вестернизации», то есть заимствованию западного образа жизни [5, 2]. Позже данная концепция была пересмотрена в связи с осознанием невозможности применения западных моделей в китайской действительности без адаптации их к восточным условиям, менталитету и проч. Однако тенденция «вестернизации» наложила отпечаток на динамику политической символики (политическая мода и стиль, музыка и проч.) и общественных настроений в целом.

Настроения, царившие в последние годы существования СССР, а также в странах Восточной Европы имели место и в весьма закрытом в то время Китае. Об этом свидетельствует студенческое восстание, вспыхнувшее в мае 1989 г. на главной площади Пекина Тяньаньмэнь. Толпа, состоявшая в основном из молодежи, выступала с транспарантами в поддержку демократических реформ, противоречащих стратегии КНР. Кульминация событий 1989 г. пришлось на 4 июня, когда Народно-освободительная армия Китая подавила при помощи танков восстание студентов. Официальные данные говорят о 200 погибших, около 7 000 раненых. Многие из участников до сих пор отбывают тюремное заключение. Сегодня в Китае нет национального траура по поводу печальных событий на Тяньаньмэнь в 1989 г., в учебных заведениях не упоминают об этом историческом происшествии, а современные студенты, как правило, отказываются комментировать эту ситуацию. Таким, отнюдь не демократическим образом были пресечены любые попытки вольнодумия, и было ясно дано понять, что Китай не пойдет по пути СССР и стран Восточной Европы, а будет четко следовать своему плану строительства «социализма с китайской спецификой», немаловажной частью которого являлась государственная стратегия идентичности.

Если обратиться к китайской истории, то станет очевидно, что в менталитете этого народа заложено чувство любви к своей стране и непереносимое отождествление Родины с правителем. Как бы тяжело не приходилось китайцам, они не станут критиковать своих управленцев и не будут жаловаться на них. В китайском сознании заложено, что правитель – это посланник Бога на земле, поэтому его критика равнозначна критике Бога, а любовь к Родине, правительству, Богу – для китайцев практически синонимы [1, с. 18]. Именно поэтому отказ от идеологии и развенчивание культа личности Мао Цзэдуна для китайского народа означало бы очень серьезный перелом сознания, последствия которого, учитывая количество населения Китая, были бы непредсказуемы.

Со времен правления Мао Цзэдуна в Китае многое изменилось. Увеличились темпы экономического роста, страна превратилась в одну из самых перспективных держав, укрепилось ее положение на мировой арене, вырос уровень жизни китайцев, повысился интерес к культуре Китая среди иностранцев и многое другое. Современная китайская идентичность отличается от той, которая существовала во времена правления Великого кормчего и сразу после его смерти. Постепенно новые поколения перестают абсолютно идеализировать личность вождя и методы его политики, чему способствует возрастающая открытость Китая в условиях глобализации, однако отношение к фигуре по-прежнему можно охарактеризовать как положительное.

Несмотря на многие внешние перемены, восприятие своей истории и ее негативных моментов как необходимости на пути к строительству социализма с китайской спецификой остается положительным. Граждане КНР воспринимают Мао Цзэдуна как великую личность, с приходом к власти которой в стране многое

улучшилось. У молодых китайцев, как и у пожилого поколения, не принято критиковать ни предыдущих, ни действующих правителей, что способствует сохранению цельности менталитета. Отношение к своей стране, чувство патриотизма свойственны практически всем социальным группам Китая. В связи с этим весьма показательными являются опросы, проведенные в мае 2009 г. среди студентов различных вузов, также их родителей, преподавателей и служащих учебных заведений. 75,4 % респондентов отмечают, что гордятся китайским гражданством. Давая оценку достижениям реформ и открытости КНР, 89,3 % студентов заявили, что они одобряют эти реформы. На вопрос: «Что Вы считаете самым главным достижением «китайской модели» за прошедшие 30 лет?» – самыми популярными были ответы: «Китай стал страной с самым быстрым темпом экономического развития» (66,8 % опрошенных) и «В стране сформулирована теория социализма с китайской спецификой» (56,22 %). 87,9 % опрошенных студентов выразили уверенность в успешности строительства социализма с китайской спецификой, при этом 42,8 % «абсолютно уверены», а 45,1 % – «относительно уверены» [3].

Данные социологических опросов свидетельствуют о том, что китайская идентичность стабильна, а идентификация себя со своим государством весьма распространена среди китайцев.

Итак, социологические исследования подтверждают, что современное китайское общество вполне довольно окружающей действительностью, идентифицирует себя с сильным, перспективным государством и не сомневается в успешности модели социализма с китайской спецификой. Представители практически всех общественных групп гордятся тем, что они являются гражданами Китая, мощное развитие экономической системы которого несет улучшения различных аспектов жизни, а причины этих улучшений китайское общество видит в мудрой и рациональной политике правительства.

Уровень адаптации человека к масштабным переменам во многом зависит от его возрастной группы. Низким уровнем адаптации обладают люди старшего поколения, ценностные установки которых уже сформировались и укрепились в когнитивной карте. Гораздо легче перемены воспринимают младшие социальные группы, процесс формирования идентичности которых является более лабильным. Опыт России показал, что невозможно «стереть» даже остатки уже начавшей разлагаться предыдущей идентичности и внедрить новые ценностные ориентиры и установки, особенно при отсутствии четко спланированной государственной стратегии, являющейся основным вектором их формирования. Китай, пойдя другим путем, путем официального сохранения прежней идеологии и постепенной перестройки общественного сознания, доказал возможность гармоничного сочетания, казалось бы, противоречащих друг другу начал – капиталистического и социалистического. При этом старшее поколение, чья идентичность сформировалась во времена правления Мао Цзэдуна, не чувствует себя «потерянным» и «бездомным» благодаря сохранению официальной идеологии, а идентичность молодых поколений плавно формируется в новых условиях, продиктованных текущей обстановкой в стране и в мире в целом.

Государственная стратегия, одним из инструментов претворения в жизнь которой являются политические символы, представляет собой определяющий вектор формирования идентичности. Пример России «смутного времени» показал, что в начале трансформационных процессов стратегия идентичности складывалась весьма спонтанно. Возврат к политической символики царской России свидетельствовал об отсутствии новой идеи и пагубно сказался не только на идентификационных процессах старшего поколения, но и не способствовал формированию новой идентичности у младших возрастных групп, которая долгое время носила ущербный характер. В то же время наличие государственной стратегии в Китае позволило обеспечить устойчивую идентичность, с которой граждане КНР вступали на этап реформирования экономической и социальной системы, и предотвратить состояние хаоса в стране.

Ссылки:

1. *Ли Цян, Джуансин шици. Пекин: Ляонин Дзяюю, 2004.*

2. *Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности, М., 2008.*
3. *Данные опроса, проведенного 3–4 мая 2009 г. журналом «Народный форум» совместно с соответствующими организациями и профильными экспертами.*
4. *Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь, М., 2006.*
5. *Ли Лин. Ценностные ориентации молодежи КНР в условиях построения социалистической рыночной экономики: доклад, ПГУ. 2003.*